

Летняя практика

Автор:

Василий Щепетнев

Летняя практика

Василий Павлович Щепетнев

Студенческая практика – дело обыкновенное. Но только не тогда, когда проходит она на Чёрной Земле. Всякое здесь случается. Всякое...

Василий Щепетнев

Летняя практика

I

Я сидел у телевизора, в полудреме, а по ту сторону экрана кипели страсти. Показывали шпионский фильм, шестую серию, и все предыдущие смотрелись так же, сквозь сон, вперемешку, поэтому выходило довольно любопытно – в герои постоянно попадали знакомые, сам я тоже нет-нет, а и мелькал на заднем плане.

Зазвонил телефон. Посетовав, что не перевел его на автоответчик, я очнулся, убедился, что на экране события развиваются иначе, чем мне грезилось, и поднял трубку. Оказалось – дядя Иван. Из вежливости осведомившись, не сплю ли я (так и подмывало ответить – сплю), он попросил об одолжении. Шефской помощи села городу.

Звонил дядя Иван редко, а просил о чем-либо еще реже. Пришлось согласиться. Собственно, это и не просьба была, а просьбишка, пустяк. У его сына, а моего, стало быть, двоюродного брата Петьки срывалась летняя практика. Петька был студентом хорошим, почти отличником, вел даже какую-то научную работу, что для наших дней диковинка, и обязанностями своими манкировать не любил. А срывалась практика из-за ерунды – университет остался без транспорта. То есть не то, чтобы совсем без того, но вот именно Петькину группу вывести было не на чем – три месяца высшая школа не получала средств, а какая копейка перепадёт, то тут же и пропадёт. Петька вспомнил обо мне и пообещал руководителю практики, что транспорт будет.

Убедившись, что отказа не последует, трубку взял сам Петька. Он проинструктировал меня – что, где, когда и куда, и пожелал спокойной ночи.

Я положил трубку, переключил, наконец, телефон на авто, и раскрыл свой блокнот. Поручением меня озадачили на послезавтра, понедельник, и нужно было организовать так, чтобы и клиенты остались довольны, и дядя Иван с университетом. Последнее время дела шли сносно, и я мог себе позволить доброе и бескорыстное дело – но не в ущерб делам корыстным. Пришлось раскрыть карту – практика у Петьки была в районе, который я знал плохо. Неподалеку от Глушиц, сказал Петька. Получалось плечо в сто километров, плюс это неподалеку. Обернемся.

Шпионские страсти тем временем кончились победой «синих» (я перестал делить мир на своих и чужих: первых очень уж мало, а вторые – часто вчерашние первые), на смену рыцарям плаща и кинжала пришли музыканты. Я поспешил выключить телевизор. Воскресенье обещало быть тяжелым, и мне следовало побережться.

Свое обещание воскресенье выполнило – спидометр моего Чуни показал триста сорок километров. Триста сорок оплаченных километров, очень и очень неплохо. Чуня – это грузовик, ЗИЛ-130, кормилец последних лет. Два года назад я подзаял денег и купил его у одного председателя одного колхоза. С тех пор у меня очень мало свободного времени, но без хлеба не сижу. Всегда кому-нибудь требуется отвезти в ремонт холодильник, на продажу картошку или мясо, переправить из города купленную мебель, а стройматериалы, а лес... Общедоступное грузовое такси нужно селу не меньше газет, электричества и оспопрививания. С гордостью замечу, что заказчиков своих я не подводил и потому заработал определенную репутацию. К вечеру воскресенья эта

репутация отозвалась ломотой в теле и гудением в голове, тем, что называют приятной усталостью. Но все же я прежде вычистил и вымыл Чуню, а уж потом себя. Скотина, она ласку любит, на нее отзывчива.

Я верю в предзнаменования, особенно дурные, но в ту ночь сны мне снились самые банальные, и понедельник я встретил в полной безмятежности. Оно и к лучшему.

Ровно в восемь утра я высадил на городском рынке десант, старушек, торгующих по мелочи – сотней другой яиц, парой уточек, редиской и прочими плодами праведных трудов. В восемь двадцать я въехал во двор красного корпуса университета.

Студенты грузились споро, Петька представил меня руководителю группы и тоже начал ставить в кузов ящики с надписью «Осторожно! Стекло!»

– Вас, значит, пять человек всего? – спросил я более, чтобы разговор завязать. До пяти я считать умею, даже дальше могу, если понадобится.

– Двое заболели, получается, действительно, пять. Со мной.

– А куда едем?

– Да старая деревенька около Глушиц, Шаршки.

– Не слышал.

– Там еще речушка есть, Шаршок.

– Маленькая, наверное.

– Да, почти пересохла. Эй, ребяташки, вы там поаккуратнее, – извинившись, руководитель сам запрыгнул в кузов наводить порядок. На слух, ничего не разбилось. Помощи моей явно не требовалось – голов много, рук еще больше, не баба Маня к сыну в город переезжает.

Минут через пять руководитель вернулся и догадался представиться:

- Камилл Ахметов, докторант кафедры почвоведения.

- Очень, очень приятно. Виктор Симонов, извозчик грузовика, - так я переиначивал утесовского водителя кобылы. - Интересная работа предстоит?

- Обычная. Сбор и анализ образцов почв.

- На предмет?

- Химический состав и все такое, - докторант был нерасположен обсуждать со мной детали научного творческого труда. - Да, кстати, - он залез в карман джинсовой куртки, - мы с вами можем расплатиться бензином, - и вытащил талоны городской администрации. Признаться, я был немножко разочарован. Бескорыстное дело переставало быть бескорыстным. Ничего, в другой раз наверстаем.

- Можем ехать? - вежливо осведомился докторант.

- Секундочку, - я развернул карту. - Шаршки, Шаршки...

- Любопытная у вас карта, - заинтересовался Ахметов.

- Без нее никак, - карта была действительно замечательная, трофейная, из тех, что дед с войны принес. Немецкая, подробная, честная. Наклеенная на ткань, кажется, коленкор, она много лет пролежала в сундучке, пока я случайно на нее не наткнулся. Наши, сусанинские, способны с ума человека свести. Деревенские хорошо знают округу на пять верст, сносно на десять, а дальше - чушь и дичь. Накружишься, бензину нажжешь...

- Вот они, Шаршки.

Я заглянул в кузов. Ребята сидели на откидных скамейках, груз лежал основательно.

- Жарко?

- Есть немножко, - ответил Петька. Остальные согласно закивали.

- На ходу прохладнее станет, - тент, действительно, раскалился. Зато случись дождь - сухими будут.

Я закрыл дверцу заднего борта, соскочил с лестничной ступеньки.

- Едем.

От докторанта пахло франко-польским одеколоном, но это пустяки, я опустил стекло и сразу стало лучше.

До Глушиц мы добрались даже быстрее, чем я ожидал.

- Проедем село и направо, - подсказал Ахметов. - Я там несколько раз бывал, дорогу знаю.

Вернее сказать, он знал направление. Дороги, как таковой, не было. Чуне все равно, у него оба моста ведущие, но скорость упала.

- На чем добирались? - поинтересовался я.

- Вездеход, УАЗ.

- Хорошая машинка, - похвалил я и замолчал. Пошли ухабы, и скорость стала еще меньше - я же не дрова вез, а стекло.

- Хорошая, - согласился Ахметов и тоже замолчал. Переживал за груз, по лицу видно.

Пошли пустые, нераспаханные поля - при нынешних ценах и налогах число их растёт год от года. Дешевле из Америки привезти хлебушек. Я поглядывал на карту, пытаюсь сориентироваться. Все-таки времени прошло много. Не трудно и сбиться с пути.

- Правильно, - успокоил меня Ахметов. - Еще километров шесть.

Не скажу, что эти километры были самыми трудными в моей жизни, но почему не поехали университетские водители, я понял. Ничего, Чуне полезно иногда размяться.

- Теперь налево, - скомандовал Ахметов, - к колодцу.

Колодец на моей карте был, но на ней много еще чего было - деревня, например. А на деле оказалось - дюжина домишек, большей частью заколоченных, полуразвалившихся. Да не полу, больше.

- Можно немного дальше проехать, вон к тем деревьям? - попросил докторант.

- Как прикажете, - я загнал Чуню в тень берез, уже стареньких, почтенных, доживающих век.

Пока студенты разгружались, я немножко побродил по новому месту. И ноги размять, и спину. Чуня грузовик хороший, но силу любит. А спина у меня своя, не казенная.

Местечко - на загляденье. Чистые травы, дикие цветочки, ни мусора, ни битого стекла, просто разбивай бивуак (в таких местах непременно разбивают бивуак, а не лагерь, иначе быстро появится это самое битое стекло) и живи, наслаждайся девственной природой. Даже захотелось остаться на недельку, отдохнуть. Мне часто хочется отдохнуть последние годы. Но - не время. Вот встану на ноги окончательно, годам к шестидесяти, семидесяти, и сразу же отдохну. Может быть, и здесь. А что, место чудесное: заповедник в десяти верстах, реченька Шаршок, и общество - образованнейшие, милейшие люди.

Милейшие люди тем временем начали ставить палатку, большую, шатровую.

- Военная кафедра одолжила, - пояснил Петька. - В обмен на спирт.

- И хороший спирт?

- Обыкновенный, медицинский, - кузен старательно вбивал в землю колья. Молодец, в жизни пригодится.

Я заглянул в кузов, не забыли ли чего практиканты. Оказалось – не забыли.

– Значит, за вами через месяц приезжать, – для порядка сказал я докторанту. Тот пересчитывал ящики, сверяясь с бумажкой. Раньше надо было считать, раньше. Что теперь-то?

– Да, да. Через месяц. Десятого июля. Надеюсь... – он замолчал, покачал головой и повторил: – Десятого июля.

– В какое время?

– К полудню, если не возражаете.

– Договорились, – я сделал пометочку в своем блокноте. – Счастливо оставаться.

Докторант что-то пробормотал, Петька махнул рукой, прощаясь, остальные тоже поглядели мне вслед. Странно как-то поглядели, словно хотели вернуться со мной назад. Так мне показалось. Наверное, просто усталость сказывается, переутомление.

В город я поспел к сроку, да еще по пути захватил дюжину жителей Глушиц: рейсовый автобус опять не пришел.

Вечером, засыпая, я вспомнил деревеньку Шаршки. Вот где бы оказаться, расслабиться. Оттянуться, как говорят некоторые. Странно, но теперь эта мысль энтузиазма не вызвала, напротив, пришло какое-то облегчение, что я здесь, дома, пусть умотанный, но – дома. А не там, в благодати и покое. Чем-то покой тот был душе не люб.

В последующие две недели деревенька нет-нет, да и приходила на ум. Засыпая, я видел ее ласковые травы, но мнилось, что под ними топь, трясина, прорва. Надо же, как запала. Наваждение просто. Дурное, вредное наваждение, с которым надо кончать.

Очередной безлошадный горожанин подрядил меня отвезти его скарб на новые земли – двадцать соток. Контейнер, купленный по случаю, всякие там лопаты, раскладушки, доски, все то, с чего начинается дачный участок. Я специально

смотрел по словарю: дача – дом для отдыха за городом. Монплезир центрального Черноземья. Ладно, каждый отдыхает, как может. Землю ему выделили (вернее, продали, но недорого) неподалеку от Глушиц. Далековато, зато настоящая природа, бодрился новоявленный помещик.

– Раньше у нас вина делали, как раз в этих местах, – разливался он, – отличные вина, по всем меркам.

– Плодово – ягодные? – с содроганием предположил я.

– Что вы, что вы! – он даже руками замахал. – Натуральные, игристые вина. Северное цимлянское, донское. Слышали про такие?

– Слышал, и пил. Но их вроде южнее... В Ростовской области...

– Это сейчас. А прежде виноградарством занимались вплоть до Воронежа.

– Прежде – это когда? При царе, до революции?

– Начали до, закончили после нэпа. Виноград капризная культура, любовь требует к себе, а не колхоза.

– Что ж, и климат тогда теплее бы, при нэпе?

– Климат как климат. Работали справнее. А знаете, еще в оны годы, при крепостном праве, в парках тутошних помещиков пальмы росли, лимоны и абрикосы. Всяк перед соседом похвастаться хотел. Выйдут, значит, в парк при усадьбе чай пить – и под банан какой-нибудь усядутся.

– Неужели? – попался мне краснобай нынче.

– Совершенная правда. А секрет был в трудолюбии, ну, и дешевизне крестьянского труда. Для пальмы на холодное время сооружали теплицу, а летом разбирали, и получалось, будто растет сама собой. Груши свои ели, персики, мандарины. Розы круглый год на столе стояли. Много умели в старину, многое. Что здесь, на Соловках, на севере сады цвели.

- И вы надеетесь возродить, так сказать, славу наших садов?

- Славу, не славу, а сделать кое-что можно. Районировать сорта, вспомнить старые приемы. Я ведь сам из деревни, и сельскохозяйственный кончал. Потом, правда, все в городе работал, но помню, помню землю... Тут начать только надо, втянуться, а природа свое скажет, отблагодарит...

Далее он весь остаток пути посвящал меня в планов своих громадье, но совета не спрашивал. И хорошо делал. Участок действительно оказался в славном месте, будь он хотя бы гектаров десять, можно бы затеваться, а ... Не мое это дело.

Разгрузив Чуню, мы с дачником распрощались. У того как раз начинался отпуск, и обещал он быть незабываемым. Пожелав ему успехов в основании родового гнезда, я посмотрел по карте. Шаршки были в двадцати верстах, не совсем по пути, но и крюк невелик. Время не позднее, почему не навестить родственника. Заодно и дяде Ивану весточку будет приятно получить.

Нашлась деревенька не сразу, но я не спешил - ехать вот так, без дела, безвыгодно - это и есть мой отдых. Я искупался в речке, неглубокой, но чистой, обсох, и лишь затем направил колеса к лагерю практикантов. Да, к сожалению, к лагерю. Появился, появился мусор, пусть и не битое стекло.

Мне повезло, дневалил Петька.

- Где остальной народ?

- На участке. Я пораньше ушел, ужин готовить.

- Допоздна работаете, - было шесть вечера. Впрочем, дни теперь длинные.

- Пока погода стоит, - Петька высыпал в котел над костром пачку риса «Анкл Бен». Судя по мусору, питались они именно полуфабрикатами.

- Ну, и как тебе здесь?

- Да ничего, - неопределенно ответил Петька.

- Что, тяжела наука на практике?

- Нет, сносно, - но энтузиазма я не расслышал.

- Какие-нибудь проблемы?

Он длинной поварешкой размешивал рис, а сам, похоже, решал, говорить, или нет.

- Ерунда, - наконец, ответил он. - Совершенная ерунда, просто устал немножко.

Вот, еще один утомленный. Это у нас семейственное.

- Может быть, ну ее, практику? - вдруг предложил я. Предложил всерьез. Захотелось и самому уехать, и Петьку увезти. И остальных тоже.

Петька мгновение колебался, потом рассмеялся:

- Скажете тоже. И я хорош. Все идет нормально, работа интересная, тема неизбитая. Несколько печатных работ гарантировано, задел для диссертации.

- Твоей?

- Каждому своей. Мне - кандидатскую, Камиллу Леонидовичу - докторскую.

- Уже пишете?

- Напишем. Сейчас с этим проще. К окончанию университета и защитусь... - Петька начал разглагольствовать и строить планы. На него это непохоже, обычно он предпочитает делать, а не болтать.

- Ты, может быть, черкнешь пару строк домой? - предложил я ему. Петька осекся, как-то испуганно посмотрел на меня:

- Вы что-то сказали?

- Письмо, говорю, напишешь? Мать, небось, волнуется.

- Что волноваться, не на войне. Сейчас напишу, - он снял котел с огня: прикрыл крышкой. - Бумагу только возьму.

Он сбегал в палатку, вернулся с толстой тетрадью.

- Это мой дневник.

- Научных наблюдений?

- Нет, вообще... - он начал быстро писать. Я поглядывал по сторонам.

- Э, да вы работаете рядом, да? - мне показалось, что я расслышал голос докторанта.

- Совсем рядом. Шагов двести, просто за деревьями не видно, - не отрываясь от бумаги, ответил Петька.

Не видно, значит, так тому и быть. Обходить деревья ради праздного любопытства не хотелось. К тому же и Петька закончил письмо, свернул солдатским треугольником, где и выучился, и протянул мне:

- Вам пора, наверное.

Стало ясно, что меня выпроваживают. Почему, зачем, допытываться я не стал. По дороге назад думал, но ничего толкового на ум не приходило. Разве что особенно интересное нашли и держат в тайне. Черноземные алмазы или золотую жилу. Золото партии. За деревьями.

Вечером, у дяди Ивана, меня спросили, как мне показался Петька, его практика, жите-быте. Я отвечал честно - вид здоровый, щеки румяные, место красивое, практика идет хорошо, научные статьи готовит. Притомился чуть. Места моим смутным чувствам в разговоре не было. Что сказать? Не нравится мне что-то? А что именно? Я попытался определить, что и оказалось - пустое. Мое личное отношение к данному ландшафту. Вкусовщина.

Спал я и эту, и последующие ночи крепким сном честного трудящегося. Если что и снилось, то поутру забывалось сразу и начисто. Тонны, километры и барыши вытеснили туманные предчувствия.

Тем не менее, на десятое июля я никаких иных дел, кроме эвакуации Петькиной практики, не планировал. Маленько передохну.

Сушь стояла большая, не даст Бог в ближайшее время дождичка, великой будет. Крестьяне тревожно смотрели на небо, на поля, да и мне радоваться нечему. Воздух возить, как не уродится ничего? Правда вечером обещали – идет! Циклон из Атлантики! А сегодня должен быть крестный ход.

Дождя!

Такими вот мыслями я отвлекал себя всю дорогу. Это я позже понял, что отвлекал, тогда казалось – реальные заботы реального работяги.

Речушка обмелела, вода спала на треть, но оставалась чистой и прохладной. Никакого желания купаться не было. Хотелось поскорее вернуться и заняться обычными, повседневными хлопотами.

Мусору в лагере поприбавилось, но никто меня не ждал. Я-то надеялся, что все готово, собрано, сложено, упаковано, а – зря. И никого нет. Я посигналил, гудок у Чуни громкий, но никто не спешил ко мне с извинениями или объяснениями. Заработались, да? Раздраженный, я пошел туда, откуда в прошлый раз доносились голоса практикантов. Если они думают, что у меня других дел нет, кроме как мотаться на край глухого района, то ошибаются. Пусть ищут другого извозчика.

За деревьями, в низине лежало кладбище. Старое, давно заброшенное, непомерно большое для крохотной деревеньки. Я спустился, подошел ближе. Вот она, практика. словно кроты изрыли – тут и там виднелись кучки земли, дыры, идущие вглубь, вниз – прямо над могилами. А некоторые и вообще выглядят разрытыми. Образцы почв. Однако...

Я побродил между рядов могил. Большинство – самые скромные, но встречались и мраморные плиты, настоящего мрамора, не крошки. Правда, старые, еще дореволюционные. Как не украли? Народ нынче ушлый, все украдет, все

продаст. Видно, не пронюхали, деревенька скромная и уж больно далекая. Очередь не дошла.

Запах от потревоженных могил претил, и я поспешил покинуть кладбище. Куда все же они подевались?

Я решил съездить в саму деревеньку. Вблизи она производила еще более удручающее впечатление: некрашенные, нечиненые дома, косо растающие в землю, отсутствие обычной живности – кур там, уток, коз, да просто отсутствие людей.

Окна и двери заколочены кое-как, больше для порядку. Большинство досок и с самого начала были траченными, трухлявыми, а сейчас и вовсе ни на что не годились. Отдирать их от дверей я, конечно, не стал, но тоски они поприбавили.

Наконец, попалась изба жилая. Две курицы разгребали что-то во дворе, и вся скотина. Нет, еще кошка – она сидела на порожке, словно следила – за мной, курами, просто за жизнью. Серенькая, с темными полосами и невзрачной шерсткой, таких по округе на дюжину тринадцать. Порода среднерусская обыкновенная. Подкупает у таких кошечек морда. Просто не морда, а лицо.

Я долго разглядывал и двор и кошку лишь потому, что не хотелось стучать в дверь, беспокоить. Беспокоить не хозяина – себя. До сих пор ничего особенного не произошло – ну, нет ребят, бывает. Отошли на новое место, образцы взять, а с отъездом решили повременить. Что меня не предупредили, так впервой разве сталкиваться с людской необязательностью?

Занавеска крохотного окошка качнулась. Смотрят на меня, стало быть. Теперь медлить просто невежливо.

Я легонько постучал в дверь. В таких старых домишках они все разные, особенные. По себе делались, и ширина, и высота, сразу можно было узнать и стать хозяина, и достаток. Эта дверь говорила только о старости.

Брякнула щеколда, дверь открылась полностью, как знакомому, а не на четверть, как чужому.

Старушка действительно была в годах, лет семидесяти, но живая, бодрая.

- Тебе кого, милоч?

- Узнать хочу. Тут студенты на практике, я их забрать должен, в город отвезти. А их нет. Не скажите, где могут быть?

- Эти, что кладбище рыли?

- Ну, не знаю. Наверное. Рыли что-то. Я водитель, мое дело - привез, отвез, - стало неловко, и я начал оправдываться. Но старуха, похоже, не сердилась. Она - боялась.

- Я им говорила. Упреждала. Кто слушает. Силы моей на них нет, власти нет. Делали, как хотели, бумага ум заменила.

- Я что-то не понимаю...

- То не страшно. Не понимаешь - отойди, подумай. Людей спроси.

- Я и спрашиваю. Где они, студенты?

- Так разве я знаю? Разбудили они его, подняли. Я говорила, да что им. Словно глухие, незрячие.

- Кто - они?

- Студенты, кто же. И начальник. Бойкие, торопились.

- А разбудили кого?

- Его. Что лежал...

За два года я начал привыкать торопиться медленно. Чаще всего старики непонятны потому, что их не хотят понять. Но сегодня терпение мое не казалось особенно стойким. Может быть, потому, что я начал волноваться.

- Значит, он лежал, а они его подняли?

- Растревожили.

- И что, они вместе куда-то пошли?

- Нет. Он пришел за ними.

- Ну хорошо, пришел, а дальше?

- А дальше для них ничего больше нет.

- Почему?

- Он их всех оборол.

- Оборол?

- И оборотил. Нет их больше. И не ищи, - она беззвучно пошевелила губами, будто хотела добавить что-то, но не решалась вслух.

- Искать я должен. Мне ж в город их доставить нужно.

- Не ищи. Неровен час - найдешь. Они ведь здесь где-то. Рядом.

- Вот-вот. Где, скажите, да я пойду.

- А найдешь - не узнаешь, - старуха меня не слышала. - Девять дней минует, тогда можно. Если среди них не будет другого...

Вся эта невнятица говорила об одном - старуха выжила из ума. Такое случается.

- А еще кто в деревне живет?

- Никого, милок. Нету больше деревни, кончились Шаршки.

- Ну, хоть в какой стороне искать-то? – спросил я для очистки совести.

- Негодный ты искать. Сейчас негодный, – добавила она, не желая огорчать вконец.

- Негодный, – согласился я и пошел прочь.

- Эй, милоч! – кликнула она вслед.

- Да? – без особой надежды повернулся я.

- Ты меня до дочки не отвезешь, милоч?

- До дочки?

- В Глушицы. По пути тебе.

- Найду ребят, тогда посмотрим.

- До дочки, – повторила она.

Я все-таки прошелся по деревне. Старуха не обманула – никого найти не удалось. Запустение. Можно дом купить, и жить робинзоном. Два-три года назад просили за такой тридцать тысяч долларов, пятьдесят, у кого фантазии больше. Съест-то он съест, да кто ж ему даст...

Я вернулся к Чуне. Подожду у лагеря. Разбудили, однако, растревожили. Динозавра. Тиранозаурус Рекс. Он проснулся и всех сожрал. Господи, конечно, они же на кладбище рыли. Суеверия, темные страхи, они же здесь, рядышком, вот к старухе и вернулись.

И все же – где они?

Я заглянул в палатку, теперь внимательнее. Обычный студенческий бардак, помноженный на приволье. Раскиданная одежда, кроссовки, носки. Пара книг, лежавших на земле. В углу ящик с консервами, другой – с презентами от дяди

Бена. Дядя Том и дядя Бен. Два мира, две судьбы. Шаршки – деревня контрастов.

Я вышел наружу, свежий воздух сразу стал милее и слаще. В другой палатке, такой же, стояли рядами ящики, на которых мелом было написаны номера – первый, второй, всего восемь. Все заколочены, кроме последнего. Я приоткрыл крышку. Склянки темного стекла, внутри – земля. Я вспомнил, что это за земля и поспешно положил склянку (пронумерованную, 2426) на место. Под ногами хрустнуло. Я наклонился. Несколько склянок валялись, раздавленные, осколки сверкали острыми краями. Вот это уже непорядок.

Три часа пополудни. Достав их кабины сверток с бутербродами, я присел в тени. Подожду до четырех, и поеду. День проходит зря. Жаль.

Черное пятно костра выглядело старым и холодным. Получается, сегодня они еду не готовили. И вчера тоже. Дожевывал свой бутерброд я безо всякого желания.

Трижды я заводил Чуню и ехал – наугад, туда, куда мог проехать – к Оленьему логу, к старому песчаному карьере, к кабаньему болоту, но никого не нашел. Ни следа. Сквозь землю будто провалились.

К девяти часам стало ясно – нужно уезжать. Солнце вот-вот сядет, а в темноте мерить дороги – слишком даже для Чуни. Невольно, почти неосознанно я завернул в деревню, притормозил у избы.

– А я уже заждалась, забоялась, не пропал ли ты, милок, – старуха, сгорбившись под огромными узлами, поспешила навстречу. – Оно, конечно, день, а боязно.

– Ты, бабуся, кошку можешь в кабину взять, а кур своих – в кузов.

– Непоседы они у меня. Выскочат.

– Ничего, мы привяжем, привяжем, – укладывая старухины пожитки, я недоумевал, зачем это делаю. Старая пионерская закваска сказывается?

Кошка покойно сидела на старухиных коленях; та гладила ее по лысенькой голове, отчего кошка урчала едва ли не громче стосильного мотора Чуни.

По пути я все смотрел, не покажутся ли пропащие. Дела им другого нет, чтобы от меня прятаться.

- И не гляди, не время еще. Девять ден не прошло.

- А сколько прошло? - догадался спросить я.

- Четвертого дня, как случилось. Я не видела, слыхала только.

- Что слыхала?

- А ничего. Пошумели немного, покричали, и все. Я ж говорила...

Мне не хотелось вновь заводить бессмысленный разговор, и я сосредоточился на дороге. Она в том нуждалась. Низкое солнце наводнило ее тенями, скрадывающими ямы и выбоины. Нужно заботиться о пассажирах - старушке, кошке и двух курицах, не растрясти.

Глушицы показались уже в сумерках.

- Успели, - с видимым облегчением выдохнула старушка.

- Конечно, успели, - успокоил ее я. - Где дочка живет?

- А по Советской улице, рядом с колонкой, - старушка неопределенно показала рукой.

По счастью, улицу не переименовали, да и встречные охотно показали дорогу.

- Приехали, бабуся.

Та споро выскочила из кабины и засеменяла к воротам. Охи и ахи, голоса хозяев были не больно довольными, однако у меня отлегло от сердца. Я боялся, что нет никакой дочки, и что тогда мне делать со старухой?

Освободившись от пары кур и нехитрых пожиток, я ехал уже почти по настоящей дороге. Домой, домой. На время сегодняшние события отступили, я был просто усталым, раздраженным человеком, спешащим поскорее добраться до родимого очага. Отупело и машинально я крутил баранку, и опомнился лишь заметив, что стрелка спидометра миновала сотню. Недолго и на столб наткнуться, или на инспектора ГАИ. Сбросив скорость до положенных семидесяти, я попытался привести чувства в порядок. Не получалось. Голова отказывалась воспринимать увиденное. Или не увиденное, ведь ничего особенного я не узнал. Только одно – практикантов на месте нет.

Решив не пороть горячку, я сначала поухаживал за Чуней, потом плотно поел, хотя на ночь и не советуют, и только затем позвонил дяде Ивану. Если я надеялся, что Петька сотоварищи благополучно добрался и без меня, то ошибся. Дядя Иван выслушал мое сообщение, посопел в трубку, и, наконец, ответил:

– Спасибо, что позвонил. Завтра с утра я справлюсь в университете и все такое.

Что он подразумевал под «все таким» я не знал, и не стал спрашивать. Это позволило мне считать свой долг исполненным и лечь спать.

Глубокой ночью я проснулся, но не от кошмаров, а по причине самой прозаической. Прохлада, россыпь звезд на темном деревенском небе, туман от реки – все настраивало на мирный, патриархальный лад. Дядя Иван сам разберется.

Я разоспался и встал только в восемь утра. Поутру работы не было, потому можно было не спешить. К десяти пришел хозяин местного магазина, и мы поехали в город на базу, за товаром – три холодильника, котел АГВ, всякая мелочь. Потом, в другом месте еще книг взяли, магазин в нашем поселке торгует всем, что покупают. Плюс два телевизора «Самсунг». После обеда пришлось грузить и отвозить мебель в соседнее село – молодожены разъезжались. Хлопотливый выдался день, в общем. Обычный. Я искал эти хлопоты, за ними можно было не думать об остальном. Когда дела кончились, я занялся Чуней. Техническое обслуживание. Машину маслом не испортишь, если это хорошее масло. И вымыл от души, автошампуни не только для легковушек.

Все равно, покоя не было. Ближе к полуночи я не утерпел и позвонил дяде Ивану.

- А ничего, - ответил он. - В университете ничего не знают. Руководство в отпуске, кто в Испании, кто в Штатах опытом делится. Неруководство говорит - ждите. Скоро вступительные экзамены начнутся, подъедет руководство, оно и решает.

- Что решает? - не понял я.

- Все.

- Да уж... - иных слов я не нашел. Дядя Иван нашел, и я слышал, как тетя Лиза его укоряла.

- Я еще в милицию заявление отнес.

- И что?

- Посоветовали подать в том районе, где проходит практика. По месту события.

- А вы?

- Съездил в Глушицы и подал. Сказали, будут иметь ввиду. Расспросили, были ли у них какие-нибудь ценности, обнадежили, что за так никто с пятью мужиками связываться не будет.

- Ага...

- А вообще-то, раз они из университета, надо обращаться в университет и в городскую милицию.

Для ответа я не нашел даже междометий.

- Слушай, давай завтра с утра подъедем в этот лагерь?

Я согласился. Что оставалось делать?

Но ехать дяде Ивану пришлось в больницу. Обширный инфаркт. Еще в университете прихватило, он валидол сосал, нитроглицерин, думал, отпустит. Теперь лежал под капельницей, одурманенный морфием, и чем все кончится – неизвестно. Врачи не обнадеживали.

С тетей Лизой мы вышли из больницы. К дяде в реанимацию не пускали, только издали дали посмотреть, потом приходите, дня через два. Домой, в поселок она не поехала, осталась у знакомой, когда-то школьной подруге. Попросила, если услышу что о Петьке, сообщить ей. Обещал.

Как услышать, от кого? Я и сам наведалься в университет. Декан в отпуске, заведующий кафедры, где работал докторант, Ахметов, тоже, в отделе практики сказали, что группа эта – полевая и может менять свое месторасположение по собственному усмотрению. Год назад геологи позднее на полторы недели вернулись, и ничего, никто не жаловался. Успокойтесь, гражданин. Позвоните дня через три, а лучше – через неделю.

Несколько дней я выжидал, сам не зная чего. Работал, прислушивался, не вылезет ли где какой слушок. Дурные вести обычно вприпрыжку бегут. Если так, то действительно, может, обойдется. Пять мужиков, да. Правда, времена сейчас темные, я двустволку с собою вожу. Честь по чести, активный член общества охотников и рыболовов, выполняю задание областной администрации, отстреливаю волков и одичавших собак. Бумага с печатью. Ружье, конечно, в чехле, и спрятано, но зандобиться – быстро достану. Проверено.

Я оттягивал и оттягивал поездку, все думая, что образуется как-то. Авось, кончится мирком да ладком. Шестнадцатого числа июля месяца авось мой иссяк. Наезженной уже дорогой я поехал в Шаршки.

Время шло к вечеру (все-таки работу нужно было делать), но зной стоял густой. Чуня раскалился, ветерок, залетавший в кабину, не охлаждал, а иссушал. Плюс тридцать пять в тени, А ты не стой в тени, как шутили по телевизору.

Издали видно было – палаток нет. Чуня от радости поехал быстрее. Снялись, перебрались на новое место, или в город вернулись. Молодые, увлекающиеся. Беспечные.

Палаток действительно не было, как раскладушек, утвари, продуктов. Но ящики с образцами остались, часть склянок рассыпью валялись на земле. Осталась и всякая ерунда, которой добрые люди погнушались – книжки-монографии, документация, кое-какая одежда. Прибрали палатки, чтобы плохо не лежали. Милиция, еще кто – не знаю. Свет не без добрых людей.

Я растерянно осмотрелся среди этого разгрома. Информация, как она есть. Совсем нехорошо.

II

Тетрадка, большая, в клеенчатой обложке, показалась мне знакомой. Я поднял ее, отряхнул от земли. Она самая, Петькин дневник. Нужно сохранить.

Идти особенно было некуда. Ноги привели к единственному знакомому двору, совсем недавно я забирал отсюда старушку. Подумалось – эвакуировал. Калитка была распахнута настежь, а точно помню – прикрывала ее бабушка. Вернулась? Не у каждой дочки погостить удастся, по-разному бывает. Тем более – жить.

Я, на правах знакомого, зашел. Дом, однако, стоял нетрвоженный. И дверь аккуратная, и окна, все заперто. А по двору беспорядок, не шибко сильный, но беспорядок. Не нарочно, просто никто не трудился обойти старое ведро, помидоры на грядке, сложенную поленницу. Впечатление, будто зашли за бабкой, но, не доходя до дома, поняли – нет ее. И ушли. Одно смущало – следы на грядке. Не подошвы, скорее, босиком кто-то шастал. Хотя отпечатки нечеткие, а я не следопыт.

Нет бабушки. Не с кем перемолвиться.

Бесцельно прошелся я по совершенно пустой теперь деревне, тишина давила тяжелым гнетом, не продохнуть, не выпрямиться.

На кладбище я шел, принуждая себя. Никогда не любил могил, сразу начинало зудеть где-то внутри. В детстве сказок страшных наслушался, или что, но всегда охватывает меня тревога и неуют – здесь, в Киевской Лавре, в Казанском соборе. Всегда удивлялся, когда читал про безмятежность и покой в подобных местах. Нет, скорее, словно под высоковольтной линией стоишь. Самовнушение, конечно. Но и сейчас подобное чувство посетило меня. Пора бром пить, валерианку. Капли датского короля. По чайной ложке в правое ухо.

И тут мерещились мне перемены – земляца в той кучке посвежее будто, крест в прошлый раз прямо стоял, а теперь съехал на сторону. Конечно, все это обман чувств, утешал я себя. Но утешений хватило ненадолго: мраморная плита, которой я не так давно интересовался, пропала. Добрались таки могильные воры, пришел черед Шаршков.

Я постоял над разворошенной могилой. Земля была раскидана в стороны, словно... Чушь пороссячья и переутомление. Срочно требуется отпуск.

На плиту я наткнулся почти сразу – она лежала в шагах десяти, в бурьяне. Я думал – плохо, украли. А выходит еще хуже.

Шесть часов вечера, но вечера в июле длинные, солнце еще довольно высоко. Я прошелся дальше, уже не оглядываясь по сторонам. Хватит того, что увидел.

Ничего особенного я не увидел. Подумаешь, могилу раскопали. Чем удивили. Первый раз, что ли. Даже на охраняемом, престижном кладбище посреди Москвы из могил крадут, чем провинция хуже? Тем, что Ахромеева нет? Домой пора, вот что.

Пнув ногой пук соломы, лежавший поперек, я попытался вернуть уверенность в себя, собственные силы, собственный ум, наконец. Совершить что-нибудь такое... энергичное, действенное, положить конец неопределенности и вернуться к простой жизни простого человека.

Но ничего на ум не приходило. В тени деревьев грузовик мой остыл, и я забрался в кабину. Пора понять, что события в жизни происходят независимо от меня и помимо меня. Я ведь не частный сыщик. Да и Петька – родственник весьма и весьма условный. Двигай-ка потихонечку домой и займись своими делами. Набивай кубышку, опять женись, что еще нужно мужчине зрелых лет.

Выслушав собственные советы, я погордился собственной сметливостью. Умненьким стал, годы научили обходить горы. Справа и слева обходить, как удобнее. Только почему-то обходные пути все время в болото заводят. Сперва борзо идешь, быстренько, веселишься, а потом как зачавкает под ногами. Сыро, неуютно. И вокруг – чавк, чавк. Отовсюду. Зато всегда как люди. Как все. Среди других не последний. Не первый, да и не хочу быть первым, честно, не хочу. Но не последний. Противно? Значит, полезно. Как рыбий жир и прививка от дифтерии под лопатку. Для долголетия полезно.

Решив на время повременить с философией, я открыл тетрадь. Почерк у Петьки был редкий – ясный, четкий, каллиграфический. Он его на спор выработал в пятом, кажется, классе. Со мной спорил, пришлось приемник покупать, «Спидолу». Я опрометчиво утверждал, что никто в нашем роду писать разборчиво не сможет. Уж больно дальнее родство, а то бы выпорил я.

Поначалу я бегло перелистал тетрадь. Когда и успел исписать столько. Потом начал вчитываться. Потом закрыл дверцу, поднял до половины стекло и лишь затем продолжил чтение.

Дневник

11 июня

Сегодня – первый день практики. Самый первый. Попытку вести дневник – не строгий ежедневник выполненной работы, а вольное описание мыслей и чувств я предпринимаю по совету профессора Неровского. Профессор утверждает, что подобным способом можно развить качества, необходимые для университетского работника, избавиться от дубовости языка и таких ужасных выражений – университетский работник. Ученый должен уметь писать и говорить живо, увлекательно, чтобы его лекции слушали, а книги – читали. Наверное, опять дубовость языка. Если придирается, то выражение «дубовость языка» тоже не ахти. Корявое, шероховатое. Незачем придумывать новые слова, когда и старых довольно – тоже совет профессора. Вот егшт, я имею в виду беллетристику, подтверждают его компетентность.

Итак, практика. Месяц полевых работ. Раньше ездили далеко – Алтай, Карелия, Каракумы. Сейчас едва сюда выбрались, и то благодаря поддержке администрации Северного района. О ней подробнее ниже. Впрочем, для научной

работы совсем необязательно ехать в сопредельные страны, под боком работы тоже невпроворот, непаханая целина. Сейчас на практике мы не номер отбываем, а выполняем реальную работу, заказанную и, пусть скудно, но оплаченную.

Руководит практикой докторант кафедры, Камилл Мехметов. И работа – по теме его диссертации. Тема же достаточно оригинальная – «Динамика содержания птомаинов в почвах Центрально-Черноземного региона». Говоря простым и общедоступным языком, Камилл (мы его попросту зовем, по имени, двадцать шесть лет всего докторанту) изучает, что происходит с трупными ядами на нашей земельке, как они разлагаются, окисляются, и когда станут безвредными.

Первый день – устройство. Приехали мы к полудню, Виктор довез, мой дядя. Он из тех, кто предпочитает синицу в руках, бросил свой НИИ связи и зашибает деньгу извозом. Да не о нем разговор. Установили палатки, разместились, подготовили все для работы. Начнем завтра с раннего утра, а сегодня – осмотр местности и выяснение деталей.

Деревня Шаршки оказалась почти пустой, живет в ней старуха, и больше ни души. Камилл надеялся, что вообще никого не будет, но и одна старуха – совсем неплохо. Разрешение на проведение работ, разумеется, выправлено по всем правилам, однако привлечь внимание нельзя. Заявятся родственники погребенных, шум поднимут, ни к чему это нам. В Дагестане, говорит Камилл, за такие дела вообще убили бы, там предков чтут. Но мы в России.

Кладбище заброшено, лишь десяток могил несут на себе следы минимального пригляда. Наверное, коряво пишу, лиха беда начало. Так вот, десяток могил едва-едва ухожены, остальные заброшены напрочь. Кладбище большое, но нас интересует лишь часть его, та, где хоронили с 1936 по 1958 год. У Камилла есть план, на котором этот участок подробно указан, с обозначением могилы и даты захоронения. Мы рассматривали этот план и сверялись с местностью. Должен отметить, что я, в некотором роде, правая рука Камилла. Он руководит моей курсовой, и считает, что, расширив и дополнив ее, я могу вместо дипломной работы подготовить и защитить диссертацию. Полагаю, что мне это по силам. Но – к делу. Уже замечаю недостатки стиля – разбрасываюсь, вязну в несущественных деталях. Изживать недостатки. Изживать, изживать и изживать, как учит нас родная партия, как завещал великий и самый великий.

К делу, к делу!

На бумаге, на плане, то есть, было все гладко и просто, реальность же, как всегда, превосходила ожидания. Фанерные пирамидки со звездочками истлели и сгнили, часть могил просели, ищи-свищи.

Мы не свистели, а искали. Наконец, удалось привязаться к местности и определить фронт работ на ближайший день, после чего мы вернулись на стоянку. Место для нее мы выбрали у колодца, в тени старых берез. Быстро приготовили обед: Камилл достал массу импортных продуктов, раз – и обед на столе. Достал просто – их выделила администрация района. Сначала санитарная инспекция изъяла продукты у торговцев, почти все они (продукты, а не торговцы), с истекшим сроком хранения или без сертификатов, а потом передали нам. Главврач СЭС тоже готовит диссертацию. Писать-то ее будет Камилл, а, вернее, я под наблюдением Камилла. Прежде ему, главврачу, а потом себе. Такова метода ведения научной работы.

После еды готовили материалы для завтрашней работы, а потом побродил по округе. Познакомился со старухой. Звать ее баба Настя. Спросил ее, почему кладбище есть, а церкви не видно. Кладбище-то старое, должна быть. Оказывается – была. Совсем неподалеку от нас стояла. Ее сначала, в тридцатые годы, немножко взорвали, а потом, в начале сороковых, разобрали окончательно – понадобился камень для прокладки автострады Москва – Ростов. Автостраду так и не построили, война помешала, но церковь порушили, тогда приказы выполняли – о-го-го! Остался только фундамент.

Она не стала спрашивать, зачем мы приехали, а я не стал говорить. Чувствую, работа наша ее не порадует. Попрощавшись, я пошел осматривать фундамент церкви. Смотреть особенно было не на что. Ясно – стены были толстыми, прочными, а вот не устояли против власти. Распоряжение сверху, исполнительность снизу.

Автостраду, наверное, хотели строить в пику гитлеровским. Если хоть километр проложили, должна была остаться. Что-то я не слышал про такую. Задонское шоссе проходит в соседнем районе, километров пятьдесят отсюда. Я вспомнил, как нас бросало в кузове грузовика. Ухабы знатные, нашенские. Потрясающие ухабы.

Вернувшись на стоянку, я включился в обсуждение быта. Решили есть два раза в день, но помногу. Посуду мыть не придется, достаточно разовых тарелочек,

тоже забракованных санитарной инспекцией. Сухой закон, естественно, и не нарушишь, до Глушиц далеко, а ближе водки не купишь. Чаю вволю, «Пиквик». Вода в колодце мутновата, верхняя, но ничего не поделаешь. До заката собирали дрова для костра, дров достаточно, валежника, павших стволов. Но нам здесь месяц жить, так что придется экономить.

В палатке мы разместились просторно, палатка восьмиместная, на пятерых в самый раз. Да, наверное, следовало с этого начать, но я, по неопытности, припоздал: перечислить всех нас. Во-первых, я, Петр Валуев, студент университета, перешел на четвертый курс. С себя начинать нескромно, но легко. Далее – Камилл Мехметов, его я уже упоминал. Пишет докторскую диссертацию, выдает для кафедры научный продукт, то есть публикуется. Не только в наших журналах, но и в забугорных. Это ценится.

Далее, чохом – Валька, Сергей и Андрюша. Тоже, как и я, студенты, правда, их амбиции иные. Научная работа не интересует никого. Сергей – поэт, сочиняет стихи и порой пытается их петь. Первое еще терпимо, второе же убивает. В сентябрьском номере местного журнала из «толстых» должна быть опубликована подборка его творений. Валька – знаток компьютеров, оформляет курсовые и дипломные работы, имеет с этого неплохие доходы. Зачем поехал на практику, не знаю, мог бы остаться в городе и распечатывать на своем лазерном принтере кафедральный отчет. Наверное, решил отдохнуть от дисплеев и прочих модемов. Андрей же просто бабник, без зачета по практике запросто может вылететь из университета из-за хвостов. Кажется, все, никого не упустил. Раз, два, три, четыре и я. Все. Двое от практики отвертелись, узнав, каким делом придется заниматься, но раз их нет, то и писать не стоит.

Вечер прошел как-то скучно. Посидели у костра, пожевали – сосиски из Голландии в собственном соку и новозеландское картофельное пюре – сыпанул ложку порошка в кипяток, и жри. Девушек Камилл не брать решил категорически, лишние проблемы. Поэтому и скучно поэту, Вальке и всем остальным. Включая меня. Трудом ударным изгоним скуку, лопатой верной мозолим руку. Разроем напрочь мы мир насилья, гробы восстанут, падет Бастилья. Дурные примеры заразительны, вот и я начал плести вирши. И потом, разве могут восстать гробы? Неправильно, неточно.

Поели, позевали, послушали радио, послушали телевизор (у Вальки транзистор ловит звуковые каналы), походили по округе и начали укладываться. Я сел у догорающего костра и пишу, пишу... Первый раз всегда пишется хорошо.

А сейчас – пишу утром следующего дня. Проснулся рано, в шесть, а общий подъем, договорились, в семь. Налил в чайник колодезной воды из ведра, ночь она отстоялась, но мути полностью не потеряла. Кофе, чай, какао – по выбору. И вафли, печенье, консервы. Наверное, это я от свежего воздуха голоден, вот и начал сбиваться на перечисление еды, как герои Жюль-Верновских романов. Ночью спал безмятежно, вопреки тому, что Валька оказался изрядным храпуном, в иное время я бы извелся – написал и удивился, откуда слова выскочили, «безмятежно» и другие, сроду такими не пользовался. Верно, читал в школе, у Тургенева или Чехова, а сейчас, под влиянием природы и всего прочего, поперло из меня. С этим следует поосторожней. Хоть умри, даже отдаленно Тургенева из меня не выйдет, а получится скверный фигляр, овца в волчьей шкуре. Разнесут. А, впрочем, некому разносить. Это всего-навсего дневник, частные заметки частного человека. И сейчас утро спокойное. Где-то чирикают птицы, знать не знаю, какие, утренняя дымка потихоньку рассеивается, и в палатке Валька перестал храпеть. Пожалуй, урок первого дня я выполнил, хоть и в два приема, вечер-утро, извел положенное количество бумаги. Довольно, надо и на потом оставить. А то знаю за собой, начну гладью, а кончу просто сказать совестно, чем. Всякий труд должен быть систематическим. Тем более что чайник вскипает. Шумит и хочет прыгнуть. Было бы непростительно начать день с неудачи, потому я сейчас отложу тетрадь и возьмусь за предмет утвари из шести букв, вторая «а».

12 июня

Работа оказалась не такой простой, как представлялось из города. Теоретически все довольно просто: специальным буром, похожим на штопор, мы ввинчиваемся в землю до глубины два с половиной метра. Бур, вернее, коронка, устроена таким образом, что позволяет извлечь землю в виде столбика той же высоты – керн. Из керна мы отбираем образцы, с поверхности и вглубь через каждые полметра, помещаем их в склянки, закупориваем, чтобы кислород воздуха не вступил с ними в реакцию. После этого помечаем каждую склянку, вносим соответствующие записи в журнал, промываем бур колодезной водой и начинаем сызнава. Элементарно, так, по крайней мере, казалось вчера, но сегодня... Бур никак не хочет идти отвесно вниз, все норовит уклониться, просто Пизанская башня; к тому же требуется пролить немало пота после того, как пройдена отметка в один метр. Час пятнадцать, вот сколько времени занимает один цикл. Возможно, приобретя навык, мы сможем работать быстрее. Пока приобрели водяные пузыри. Или это и есть навык?

Утро началось бойко. Встали, перекусили, рассчитались на первого – второго могильщика и пошли на участок. На кладбище, если называть вещи своими именами. Тут-то бур и показал характер. Первый объект, захоронение 1953 г., пришлось бурить дважды. Но справились. Не знаю, что покажут анализы, но земля здесь еще та: темная, почти черная там, где когда-то лежало тело. И пахнет довольно специфически. А почти сорок пять лет прошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/schepetnev_vasiliy/letnyaya-praktika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)